ЧЕХОВСКІЙ

ЮБИЛЕЙНЫЙ СБОРНИКЪ.

1860 17 ЯНВАРЯ. 1910.

Первыя версіи „Иванова“ и „Дяди Вани“.

I.

Передъ нами лежатъ двѣ пожелтѣвшія отъ времени тетради, первыя версіи двухъ драматическихъ произведеній А. П. Чехова, а именно: „Ивановъ“ (разрѣш. цензурой 10 декабря 1887 г.) и „Дядя Ваня“ (послѣдняя пьеса, въ первой версіи называлась „Лѣшій“; разрѣшена цензурой 1 мая 1890 г.). Въ этомъ первоначальномъ видѣ пьесы не были напечатаны [1]) и извѣстны лишь по литографированнымъ оттискамъ, не поступавшимъ въ продажу и поэтому представляющимъ въ настоящее время большую библіографическую рѣдкость. Цѣликомъ обѣ версіи будутъ напечатаны въ приложеніи къ выходящей въ скоромъ времени работѣ Л. А. Суллержицкаго „Чеховъ и Художественный театръ“, и тогда поклонниковъ таланта Чехова (а число ихъ растетъ съ каждымъ днемъ и должно расти по мѣрѣ развитія художественнаго вкуса русскихъ читателей) ожидаетъ большое наслажденіе: предъ ними раскроется тотъ сложный и для большинства крупныхъ художниковъ мучительный процессъ художественнаго созиданія, путемъ котораго возникаютъ такія произведенія немеркнущей красоты, какъ „Ивановъ“ и „Дядя Ваня“. Въ настоящей статьѣ мы попытаемся указать на тѣ измѣненія, какимъ подверглись эти первоначальныя версіи, изложивъ въ главныхъ чертахъ

1) Одно время Чеховъ думалъ напечатать «Лѣшаго», т.-е. первую версію «Дяди Вани», въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ» (См. «Письма Чехова», въ изданіи Бочкарева, стр. 67).

ихъ содержаніе и сравнивъ ихъ съ той окончательной редакціей, въ которой онѣ стали извѣстны и дороги русскимъ читателямъ.

II.

Узнавъ, что „Ивановъ" одобренъ въ театральномъ комитетѣ, Чеховъ писалъ Плещееву [1]):

„Я замучился, и никакой гонораръ не можетъ искупить того каторжнаго напряженія, какое чувствовалъ я въ послѣднюю недѣлю. Раньше своей пьесѣ я не придавалъ никакого значенія и относился къ ней съ снисходительной ироніей: написалъ, молъ, и чортъ съ ней. Теперь же, когда она вдругъ неожиданно пошла въ дѣло, я понялъ, до чего она плохо сработана. Послѣдній актъ поразительно плохъ. Всю недѣлю я возился надъ пьесой, строчилъ варіанты, поправки, вставки, *сдѣлалъ новую Сашу, измѣнилъ IV актъ до неузнаваемости, отшлифовалъ самого Иванова*"...

Въ подчеркнутыхъ нами словахъ Чеховъ очень точно опредѣлилъ характеръ сдѣланныхъ имъ измѣненій. Дѣйствительно, IV актъ измѣненъ до „неузнаваемости". По первоначальному замыслу Чехова, Ивановъ, послѣ нѣкоторыхъ колебаній, женится на Сашѣ и умираетъ (въ заключительной сценѣ пьесы) отъ разрыва сердца, взволнованный обличеніями Львова, являющагося на свадьбу со спеціальной цѣлью — объявить во всеуслышаніе, что „Ивановъ — подлецъ".

Въ заключительномъ 8-мъ явленіи Львовъ произноситъ желчный монологъ и собирается обличить Иванова. Въ отвѣтъ на его: „Николай Алексѣевичъ Ивановъ, объявляю во всеуслышаніе, что вы—подлецъ", Ивановъ восклицаетъ: „За что, за что? Скажите мнѣ, за что?" (въ изнеможеніи опускается на диванъ).

Всѣ восклицаютъ: „За что?" Саша обращается къ Львову, говоря:

— Что вы скажете? Какія тайны знаете вы? Что онъ уложилъ въ гробъ свою первую жену? Про это говорятъ всѣ. Что онъ женился на мнѣ изъ-за приданаго и чтобы не платить моей матери долга? Это тоже извѣстно всему уѣзду. А, жестокіе, мелочные, ничтожные люди... (Мужу.)

---

[1]) Ibid., стр. 68.

Николай, поѣдемъ отсюда!.. (Беретъ его за руку, но убѣждается, что онъ мертвъ, вскрикиваетъ и падаетъ на него.) Лебедевъ кричитъ: „Батюшки! Онъ умеръ... воды, доктора...“ Всѣ: „Воды, доктора, онъ умеръ...“

Ивановъ первой версіи и окончательной редакціи, конечно, сходны, но несомнѣнно, что Чеховъ, пользуясь его собственнымъ выраженіемъ, очень удачно „отшлифовалъ“ Иванова.

Самоубійство Иванова въ окончательной редакціи пьесы придаетъ его образу недоставшую раньше законченность. Ивановъ, изнемогающій подъ бременемъ обывательской обыденщины, утопающій въ болотѣ провинціальныхъ дрязгъ и непониманія, немогущій мириться со всѣмъ этимъ, предпочитающій смерть тусклому обывательскому существованію, Ивановъ — трагическій герой русскаго безвременья, представляетъ одинъ изъ самыхъ яркихъ образцовъ русской литературы, надъ которымъ впослѣдствіи остановится всякій серьезный историкъ русскаго общественнаго развитія. Поправки, внесенныя Чеховымъ, не только удачны въ техническомъ отношеніи, онѣ были необходимы, какъ убѣждается всякій при сравненіи двухъ версій, необходимы для логической обрисовки характера главнаго героя, для возведенія случайнаго явленія въ типъ, какимъ теперь является „Ивановъ“.

III.

Въ „Ивановѣ“ коренной переработкѣ подверглось лишь IV-е дѣйствіе, первыя же три дѣйствія, если не считать чисто стилистическихъ поправокъ, остались почти неизмѣненными (кое-что измѣнено въ рѣчахъ Саши). Иначе обстоитъ дѣло съ первой версіей „Дяди Вани“. Какъ мы уже сказали, она озаглавлена „Лѣшій“, и главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ ней является не „Дядя Ваня“ (въ „Лѣшемъ“ онъ носитъ другое имя: Егоръ Петровичъ, или „Жоржъ“), а Хрущовъ, онъ же „Лѣшій“, превратившійся во второй версіи въ Астрова, при чемъ въ первоначальной версіи онъ не земскій врачъ, а помѣщикъ, окончившій курсъ на медицинскомъ факультетѣ. Помимо дѣйствующихъ лицъ, общихъ съ персонажами „Дяди Вани“, въ „Лѣшемъ“ имѣются еще четыре дѣйствующихъ лица, исчезнувшія въ
 окончательной обработкѣ, очевидно, въ виду того, что они,

„ВИШНЕВЫЙ САДЪ“

на сценѣ Художественнаго театра.

Лопахинъ (Л. М. Леонидовъ).

Съ фот. К. Фишеръ, Москва.

мало помогая обрисовкѣ главныхъ характеровъ, лишь затягивали дѣйствія. Эти лица: Леонидъ Степановичъ Желтухинъ, не кончившій курса технологъ, очень богатый человѣкъ, его сестра Юля, помѣщикъ Орловскій и его сынъ, кутила, Ѳедоръ Ивановичъ. Телѣгинъ въ „Лѣшемъ“ носитъ имя Дядина.

Самый сюжетъ „Лѣшаго“ не вполнѣ совпадаетъ съ содержаніемъ „Дяди Вани“. Такъ, въ „Лѣшемъ“ Хрущовъ (Астровъ „Дяди Вани“) влюбленъ не въ Елену Андреевну, а въ Соню; „Жоржъ“ („Дядя Ваня“ окончательной редакціи) не покушается на жизнь профессора, а самъ застрѣливается. Послѣ его самоубійства Елена Андреевна убѣгаетъ изъ дому и двѣ недѣли скрывается на мельницѣ у Дядина (Телѣгина въ „Дядѣ Ванѣ“), который въ первой версіи не состоитъ въ „приживальщикахъ“ у Войницкихъ, а снимаетъ въ аренду мельницу у „Лѣшаго“. На мельницу пріѣзжаетъ Хрущовъ (Астровъ) и профессоръ. Послѣдній встрѣчается съ женой, и она уѣзжаетъ съ нимъ обратно, домой, Соня же признается въ любви Хрущову, который думалъ, что она его не любитъ. За исключеніемъ Сони, характеръ которой претерпѣлъ въ окончательной обработкѣ крупныя измѣненія, характеристики главныхъ дѣйствующихъ лицъ почти тѣ же, но въ „Лѣшемъ“ имѣется много эпизодовъ, исчезнувшихъ въ окончательной редакціи пьесы.

Пьеса заканчивается объясненіемъ Сони съ Хрущовымъ. Соня говоритъ ему: „Вы сказали, что полюбите другую... Я теперь другая... Я хочу одну только правду... Ничего, ничего, кромѣ правды! Я люблю, люблю васъ...“

Сравненіе первоначальной и окончательной версій „Дяди Вани“ приводитъ къ тѣмъ же результатамъ, какъ и сравненіе двухъ версій „Иванова“. Пьеса выиграла въ сценичности, дѣйствіе во второй версіи идетъ быстро, развивается логически, не задерживается вводными лицами. Устранена несообразность, бросающаяся въ глаза въ первой версіи: какимъ образомъ чуткій, вдумчивый, ненавидящій всякіе „ярлыки“ Хрущовъ могъ полюбить Соню, являющуюся въ „Лѣшемъ“ истинной дочерью ходячей муміи, профессора? Во второй версіи Чеховъ создалъ новую Соню, одинъ изъ обаятельныхъ образовъ русской литературы, стоящій наравнѣ съ трепетно-нѣжными женскими образами романовъ Тургенева.

Какъ мы уже сказали, объ первыя версіи пьесъ Чехова появятся въ работѣ Л. А. Суллержицкаго „А. П. Чеховъ и Художественный театръ". Всякій любящій русскую литературу съ нетерпѣніемъ будетъ ожидать появленія этой работы, въ которой, помимо воспоминаній о Чеховѣ К. С. Станиславскаго и другихъ лицъ, знавшихъ Чехова, будетъ данъ рядъ неизданныхъ писемъ Антона Павловича и другихъ цѣнныхъ матеріаловъ для его біографіи. Каждое новое письмо Чехова является воистину драгоцѣнностью, раскрывая, до какой степени въ Чеховѣ художникъ совпадалъ съ человѣкомъ: скорбная и вмѣстѣ съ тѣмъ стыдливая любовь къ людямъ, безконечная доброта, соединенная съ глубокимъ чувствомъ собственнаго достоинства, ненависть ко всякимъ узамъ, налагаемымъ „тенденціей", преклоненіе передъ свободой, подлинной свободой, которая уважаетъ и цѣнитъ человѣческую личность, — таковъ Чеховъ въ литературѣ, таковъ онъ до мелочей и въ его замѣчательныхъ письмахъ. Первая версія „Дяди Вани" особенно любопытна по многимъ совпаденіямъ, такъ сказать, автобіографическаго характера. Какъ мы уже сказали, въ лицѣ Хрущова Антонъ Павловичъ высказывалъ самыя дорогія, завѣтныя свои мысли.

В. Батуринскій.